ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

АВГУСТЪ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1901 г.

СТРАН.

I. Святая могила. (Изъ разсказовъ стараго врача). **П. А. Салова** 385

II. Записки **Н. И. Мамаева.** (Продолженіе). Часть первая. Гл. XXIII—XXIV. 417

III. Гордіевъ узелъ. Повѣсть. **Бориса Корженевскаго** 439

IV. Въ дни тревоги. (Изъ найденныхъ записокъ офицера). IV—VI. (Окончаніе). **П. М. Невѣжина** 470

V. Бытъ петербургскаго купечества въ 1820—1840 годахъ. VI—XI. (Окончаніе). **Г. Т. Полилова (Сѣверцева)** 495

VI. Страничка изъ воспоминаній старой студентки. **Н. Драгневичъ.** 528

VII. По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній очевидца). XX—XXVI. **В. Л. Якимова** 538

VIII. Пасхальная заутреня во дворцѣ императора Александра I въ Таганрогѣ. **А. Сѣдого (Ал. П. Чехова)** 565

IX. Адмиралъ Корнелій Крюйсъ. **Г. Л. Грове** 582

X. Каменноугольныя богатства на Кавказѣ. **Ив. Ник. Захарьина (Якунина)** 590

Иллюстраціи: 1) Очемчиры.—2) Казенный курортъ близъ Очемчиръ.

XI. Академическіе батоги. **И. Г. Иноземцева** 605

XII. Поѣздка на островъ Валаамъ. **А. П. Фаресова** 610

Иллюстраціи: 1) Конь-камень.—2) Общій видъ острова Валаама.—3) Валаамскій монастырь.—4) Скитъ Всѣхъ Святыхъ на островѣ Валаамѣ.—5) Никольскій скитъ на островѣ Валаамѣ.—5) Берегъ острова Валаама.

XIII. На мѣстѣ послѣднихъ дней Лермонтова. **В. Л. Якимова** 630

Иллюстраціи: 1) Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.—2) Статуя на памятникѣ Лермонтову.—3) Гротъ Лермонтова.—4) Мѣсто дуэли Лермонтова.

XIV. Французскій дипломатъ при дворѣ Екатерины II. Историческій очеркъ. Гл. I—III. **В. Т.** 653

XV. Критика и библіографія 674

1) М. П. Степановъ. Село Ильинское. Историческій очеркъ. Москва. 1901. **Ан. Ал.**—2) Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ, отъ паденія Константинополя въ 1453 году до настоящаго времени. А. П. Лебедева, профессора Московскаго университета. Томъ II. Сергіевъ Посадъ. 1901. Σ.—3) Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. Спб. 1901. **В. П.** — 4) М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Выпускъ I. Спб. 1901. **Г. Т.**—5) В. В. Корсаковъ. Пекинскія событія. Личныя воспоминанія участника объ осадѣ въ Пекинѣ. Май—августъ 1900 года. Спб. 1901. **Бориса Тагѣева.** — 6) На дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы. Вл. Семенова. Спб. 1901. **В. П.**—7) Генри де-Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Переводъ съ англійскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб 1901. **П. А.**—8) Памятная книжка Ломжинской губерніи на 1901 г. Ломжа. 1901. R.—9) Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Т. XVIII-й (съ фототипической таблицей и 8 рисунками въ текстѣ). Москва. 1901. **А—га.**—10) Статистика марганцеваго дѣла, сост. г. Здaневичъ. Изданіе съѣзда марганцепромышлен-

См. слѣд. стр.

СТРАН.

никовъ. Кутаисъ. 1900. **А. Хах—оза.**—11) Wladyslaw Smolenski. Pisma historyczne. I—II. Kraków. **К. Х.** — 12) Русская періодическая печать 1703—1894 гг. (Библіографія и графическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библіографія русской періодической печати. Отдѣлъ II. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. I. 1703—1856 гг. Библіографія, листы 1—4 и предисл. Графическія таблицы, листы 1—9. Вып. II. 1856—1900 гг. Библіографія, листы 5—12 и предисл. Графическія таблицы, листы 10—24. Спб. 1895 и 1901. **А. М—на.** — 13) Черный воронъ. А. Измайловъ. Спб. 1901. **А. Фаресова.**—14) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VI. Спб. 1900. Σ. — 15) Труды Пермской ученой архивной комиссіи. Издаются подъ редакціею А. А. Дмитріева. Выпускъ IV. Пермь. 1901. **В. Р—ва.** — 16) «Россія въ Средней Азіи». Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. Евгенія Маркова въ 2-хъ томахъ и 6-ти частяхъ. Спб. 1901. **Бориса Тагѣева.** — 17) La Turquie sous Abdoul Hamid II. Exposé fidele de la gérance d'un empire pendant un quart de siècle (1876—1900), par Charles Hecquard. Bruxelles. 1901.—18) Дома. И. Соколова. Спб. 1901. **А. Ф.** — 19) Веніаминъ Снегиревъ. Логика. Систематическій курсъ чтеній. Харьковъ. 1901. **С.** — 20) В. М. Весленевъ. Въ странѣ фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. Изданіе А. Д. Карчагина. Калуга. 1901. **А.** — 21) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго областного статистическаго комитета, издаваемые подъ редакціею С. В. Руденка. Томы VI и VII. Екатеринодаръ. 1900 и 1901. **В. Р—ва.**

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 714

1) Итоги европейской исторической литературы отъ 1-го іюля 1900 до 1-го іюля 1901 г.—2) Месть Бенвенуто Челлини. — 3) Политическія дуэли во Франціи.—4) Магія и массонство во Франціи XVIII вѣка.—5) Англія въ роли неудачной миротворицы.—6) Подарки шведскихъ и датскихъ королей русскимъ государямъ.

XVII. Смѣсь 739

1) Памятникъ Гоголю. — 2) Юбилейная комиссія Гоголя и Жуковскаго.—3) Премія М. И. Михельсона.—4) Премія сенатора Д. А. Ровинскаго.—5) Собраніе статей Каткова. — 6) Библіотека П. Г. Рѣдкина. — 7) Археологическая экскурсія.—8) Археологическія раскопки.—9) Историческій глобусъ.—10) Старинныя игрушки.

XVIII. Некрологи 746

1) Абаринова, А. И.—2) Беккеръ, Ѳ. Ѳ.—3) Венюковъ, М. И. — 4) Ждановъ, И. Н.—5) Корниловъ, И. П.—6) Марковъ, С. М. — 7) Осиповъ, Н. О.—8) Раевъ, А. Ѳ.—9) Рудзскій, А. Ф.—10) Сухомлиновъ, М. И.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ адмирала Корнелія Ивановича Крюйса.—2) Шпіонъ Наполеона. (L'espion de l'Empereur). Повѣсть **Шарля Лорана.** Переводъ съ французскаго. Часть II, гл. VIII—X. Часть III, гл. I.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРОЙ СТУДЕНТКИ.

ѢТО 1876 года; война Сербіи съ Турціей. Въ Петербургѣ сильное возбужденіе: газеты наполнены корреспонденціями съ Балканскаго полуострова, въ которыхъ сообщается о безпомощномъ положеніи сербовъ въ медицинскомъ отношеніи. Врачей нѣтъ, сестеръ милосердія нѣтъ, оперируютъ цырульники, раненые остаются безъ всякой помощи и т. д. Въ это время мы, слушательницы врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи, перешли на 5-й курсъ и два года уже изучали хирургію и другія медицинскія науки. Медицинское образованіе наше еще далеко не закончено, но во всякомъ случаѣ пользу мы принесемъ больнымъ и раненымъ.

Нѣкоторыя студентки нашего курса сильно заволновались, потеряли сонъ, аппетитъ и всецѣло отдались во власть одной идеѣ, одному стремленію—ѣхать, ѣхать и ѣхать! Правда, передъ глазами стоялъ призракъ: а если попадешь въ руки турокъ, особенно башибузуковъ? Они не пощадятъ, не посмотрятъ, что это медицинскій персоналъ. И такъ стоитъ ли жертвовать своей жизнью? Рѣшили, что стоитъ. Теперь вопросъ, какъ устроить поѣздку, а пока, не теряя ни минуты, заняться хирургіей живой и на трупахъ.

На каникулы домой мы, конечно, не поѣхали, посѣщали усиленно клиники профессоровъ Склифосовскаго и Богдановскаго; послѣдній у насъ хотя и не преподавалъ, но, несмотря на свою внѣшнюю суровость, охотно допустилъ до занятій въ своей клиникѣ. Въ это время тамъ работали въ качествѣ ассистентовъ и ординато-

ровъ нынѣ уже покойные П. Я. Мультановскій, П. В. Палисадовъ и Ю. Н. Ковалевскій; они очень охотно дѣлились съ нами своимъ опытомъ и знаніемъ. Въ то же время намъ удалось проникнуть въ Николаевскій госпиталь (тогда курсы находились еще при медицинской академіи) и устроить тамъ занятія по оперативной хирургіи на трупахъ.

Свободное отъ занятій время мы употребляли на розыски учрежденій, которыя бы насъ послали на войну.

Энергичнѣе другихъ въ этомъ отношеніи были Б—тъ и П—нъ. При этомъ мнѣ вспоминается одинъ комическій эпизодъ. Обѣ названныя студентки отправились въ Георгіевскую общину къ стоявшей во главѣ ея графинѣ Гейденъ съ просьбой, не пошлетъ ли ихъ община вмѣстѣ съ отправлявшимся въ Сербію отрядомъ. По дорогѣ строятся планы, какъ убѣдить графиню, нельзя ли склонить ее на согласіе предложеніемъ самыхъ скромныхъ условій, но тутъ Б. приходитъ въ голову, а что если община согласится послать не двухъ, а только одну,—она останавливаетъ П. уже въ воротахъ и задаетъ ей вопросъ: кто же изъ двухъ поѣдетъ, если пошлютъ только одну? Она, Б—тъ, считаетъ, что выборъ долженъ пасть на нее, такъ какъ ей первой пришло въ голову обратиться въ общину. П—нъ не согласна. Онѣ тутъ въ подворотнѣ спорятъ, не приходятъ къ соглашенію, отправляются все-таки къ графинѣ, но оказывается, что община не желаетъ послать ни одной.

Послѣ этого эпизода Б—тъ рѣшаетъ разстаться съ П. и предлагаетъ мнѣ соединиться съ ней для новыхъ поисковъ. Я предложеніе принимаю, и мы начинаемъ дѣйствовать. Въ ближайшіе же дни наши хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Петербургскій дамскій кружокъ въ лицѣ своей предсѣдательницы г-жи Граве соглашается насъ командировать. Другихъ студентокъ въ это же время согласился отправить Петербургскій благотворительный славянскій комитетъ, только подъ условіемъ, чтобы онѣ нашли врача-хирурга, который бы поѣхалъ во главѣ ихъ отряда. Онѣ предложили ѣхать съ ними военно-полевому хирургу О—му. Тотъ очень охотно согласился, освѣдомившись предварительно:

— А пресса за васъ?

На это послѣдовалъ немедленно отвѣтъ:

— За насъ, за насъ.

Объ этомъ справокъ предварительно никто, разумѣется, не наводилъ.

Рѣшили выѣхать мы всѣ въ одинъ день. Каждая изъ насъ запаслась непромокаемъ, который впослѣдствіи игралъ роль и простыни и одѣяла, гуттаперчевой подушкой, необходимымъ бѣльемъ и платьемъ. Большое затрудненіе было пріобрѣсти военнополевую хирургію Пирогова, ѣхать безъ которой казалось также бзсмысленнымъ, какъ если бы мы оставили дома руки. Но и это препят-

ствіе устранено. Два-три экземпляра на толкучкѣ за высокую цѣну пріобрѣтены. Въ дорогу! Всѣ мы чувствовали себя довольными, бодрыми, удовлетворенными, счастливыми; всѣхъ соединяло общее, полезное, неотложное дѣло. На вокзалѣ насъ провожали и знакомые и незнакомые. Одна бѣдная старушка развязала узелокъ носового платочка, вынула оттуда рубль и, обратившись къ одной студенткѣ, начала просить ее, чтобы та взяла этотъ рубль. Та отказывалась, но старушка не отступала: «возьми, матушка, возьми и отъ меня рубликъ», пришлось взять.

Вотъ мы и въ Вѣнѣ. Здѣсь намъ нужно было сдѣлать остановку, такъ какъ намъ было сказано въ учрежденіяхъ, которыя насъ командировали, чтобы мы сдѣлали попытку получить въ Вѣнѣ въ русскомъ посольствѣ билетъ на безплатный проѣздъ въ Бѣлградъ. Остановившись въ гостиницѣ, мы немедленно отправили ѣхавшую въ нашемъ отрядѣ единственную сестру милосердія, г-жу Н—ву, въ посольство за справкой о билетахъ. Каково же было наше удивленіе, когда не болѣе какъ черезъ часъ г-жа Н—ва вернулась и, не говоря ни слова, высыпала на столъ кучу золота. Мы смотрѣли въ полномъ недоумѣніи, ничего не понимая. Видъ же у г-жи Н—ой былъ торжествующій, побѣдоносный. Когда она въ полной мѣрѣ насладилась нашимъ изумленіемъ и своимъ торжествомъ, она дала объясненіе: «Въ посольствѣ, говорила она, меня встрѣтили очень радушно, объяснили, что у нихъ никакихъ билетовъ на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ нѣтъ, но что они охотно выдадутъ деньги на дорогу. Имъ прислали 10.000 рублей для оказанія пособій Балканскимъ славянамъ, но такъ какъ они не сочувствуютъ этимъ славянамъ, то очень рады, что могутъ оказать пособіе русскимъ, ѣдущимъ въ Сербію, косвеннымъ образомъ часть денегъ такимъ образомъ достигнетъ своего назначенія».

Наконецъ мы вышли изъ состоянія оцѣпенѣнія. Нѣтъ, денегъ этихъ принять мы никакъ не можемъ. Мы вовсе не находимся въ такомъ положеніи, чтобы принимать пособіе. Деньги, хотя и скудныя, у насъ есть; чѣмъ оправдаемся мы и въ своихъ глазахъ и въ глазахъ учрежденій, насъ командировавшихъ, если примемъ эти деньги; нѣтъ, ихъ необходимо отправить обратно немедленно. Теперь настала очередь изумляться для Н—вой. Это была женщина, хотя и бывалая (она была сестрой еще въ Крымскую кампанію), но малообразованная и не развитая, ей казалось совершенно непонятнымъ, какъ можно отказываться отъ денегъ, если ихъ даютъ. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ докторовъ, женщинъ Бернскаго университета, еще не получившихъ тогда права практики въ Россіи, одного врача мужчины, 6-ти студентокъ и одной сестры милосердія Н—ой. Наши врачи присоединились къ ней, но исходя изъ другой точки зрѣнія: они боялись, какъ бы посольство не

обидѣлось. Долго мы спорили, убѣждая взаимно одна сторону другую, но каждый оставался при своемъ. Чѣмъ больше мы спорили и останавливались на этомъ вопросѣ, тѣмъ казалось намъ чудовищнѣе принять ничѣмъ не оправдываемое пособіе, только на томъ основаніи, что его даютъ. Въ концѣ концовъ мы все-таки одолѣли и заставили Н—ву отнести деньги обратно. Вернулась она надутая и съ нами не хотѣла разговаривать.

Дорога отъ Вѣны до Бѣлграда очень живописная. Наши студентки, почти всѣ сѣверянки, относились къ красотамъ природы вполнѣ равнодушно и дивились моему восхищенію. Я, какъ южанка, не нахожу высшаго наслажденія, какъ созерцаніе природы. Однажды только Б-тъ вдругъ заволновалась и вскрикнула: «смотрите, смотрите: Сава, Драва и Морава». Мы всѣ бросились къ окну и узрѣли объемистую лужу, изъ которой въ разныхъ направленіяхъ вытекали три грязныхъ потока. Мы ужасно хохотали надъ шуткой Б-тъ. Но вотъ и Бѣлградъ. На пароходѣ объявили, чтобы мы приготовили паспорты. Но на пристани, какъ только жандармы узнавали, что мы русскіе, пропускали насъ, не заглядывая въ паспортъ. Нѣсколько дней пришлось намъ прожить въ Бѣлградѣ, пока насъ отправили на театръ военныхъ дѣйствій. Столица Сербіи въ эту знаменательную для нея эпоху представляла собой мрачную картину. Все мужское населеніе, за исключеніемъ глубокихъ стариковъ и дѣтей, было на театрѣ войны. Женщины же, включая средніе и высшіе слои общества, по восточному обычаю, безъ мужчинъ обыкновенно не выходили на улицы, вслѣдствіе чего городъ казался буквально вымершимъ; улицы были совсѣмъ пустынны, тишина нарушалась нѣсколько разъ въ день музыкой, игравшей при погребальныхъ процессіяхъ похоронный маршъ. Какъ теперь, помню я этотъ трогательный мрачный мотивъ, буквально раздиравшій душу. Улица, по которой направлялась похоронная процессія изъ госпиталя, примыкала къ саду женской школы, которая отведена была намъ подъ квартиру. И вотъ, бывало, въ чудный лѣтній день сидишь въ саду, и при звукахъ похороннаго марша слезы начинаютъ градомъ литься изъ глазъ по лицу, и сдержать ихъ нѣтъ силъ.

Во время пребыванія въ Бѣлградѣ мы, согласно установившемуся обычаю, представлялись митрополиту Михаилу. Мы долго обсуждали, подходить ли подъ благословеніе или нѣтъ, и рѣшили не подходить, а просто здоровались за руку. Онъ угощалъ насъ чаемъ съ вареньемъ и вообще держалъ себя совсѣмъ просто и разговаривалъ, какъ добрый товарищъ. Благодарилъ насъ за сочувствіе къ его родинѣ и на прощанье напутствовалъ добрыми пожеланіями.

Секретаремъ посольства былъ въ то время Ладыженскій. Какъ онъ, такъ и жена его были замѣчательно гостепріимные люди. Они широко раскрыли двери своего дома для всѣхъ русскихъ и одина-

ково радушно принимали, не разбирая, были ли то люди съ положенiемъ и вѣсомъ въ обществѣ, или это были лишь бѣдныя студентки.

Но вотъ насталъ конецъ нашему томленiю и нетерпѣнiю. Намъ объявили, что мы можемъ отправляться въ госпитали, на перевязочные пункты. Большинство студентокъ уѣхало въ армiю Черняева. Я же поѣхала съ проф. Тауберомъ, тогда еще молодымъ врачемъ, въ г. Чупрiю, въ госпиталь. По дорогѣ намъ нужно было заѣхать въ Крушевацъ, такъ какъ Тауберъ имѣлъ порученiе осмотрѣть тамъ одного раненаго въ ногу полковника и, если окажется нужнымъ, оказать ему оперативное пособiе. Въ Крушевацѣ мы провели дня два, и тутъ между прочимъ подвернулся одинъ здоровенный сербъ, которому нужно было отнять большой палецъ на рукѣ. Д-ръ Тауберъ предложилъ мнѣ сдѣлать эту операцiю. За недостаткомъ времени операцiя должна была производиться безъ хлороформа. Я взяла ножъ въ руки и еле успѣла сдѣлать разрѣзъ кожи, какъ мой здоровенный сербъ закричалъ благимъ матомъ, а у меня моментально ножъ выпалъ изъ рукъ, и д-ръ Тауберъ тутъ же изрекъ приговоръ: «не быть вамъ никогда хирургомъ». Приговоръ этотъ, однако, оправдался не вполнѣ.

Водворились мы въ Чупрiи, гдѣ д-ру Тауберу было поручено завѣдыванiе госпиталемъ, состоявшимъ изъ одного барака; въ этотъ госпиталь поступали исключительно самые тяжело раненые. Къ 5 ч. утра мы обыкновенно бывали уже въ госпиталѣ и работали до 12, послѣ чего полагался отдыхъ до 4-хъ, включая и обѣдъ; послѣ обѣда мой отдыхъ заключался въ томъ, что я брала руководство къ военнополевой хирургiи Пирогова и буквально съ жадностью глотала его; съ 4 ч. опять работа въ госпиталѣ до 7, и такъ ежедневно. Но вотъ черезъ нѣсколько времени въ Чупрiи появилось два студента: одинъ, А. В. Поповъ, изъ Петербурга, а другой Васильевъ, студентъ Вѣнскаго университета. Поповъ началъ работать въ нашемъ госпиталѣ, а Васильевъ направлялся на перевязочный пунктъ. Онъ соблазнилъ и меня поѣхать съ нимъ, увѣряя, что тамъ и есть самое живое дѣло. Отъ Чупрiи до Алексинаца доѣхали мы на лошадяхъ. Остановились въ гостиницѣ и узнавъ, что въ день нашего прiѣзда было сраженiе, мы рѣшили немедля отправиться на перевязочный пунктъ. Одинъ штабный офицеръ вызвался насъ проводить на перевязочный пунктъ, гдѣ уже работали наши студентки. Перевязочный пунктъ отстоялъ отъ Алексинаца верстъ на 10—15. Какъ хороша здѣсь природа: живописные лиственные лѣса, обрывы, ручьи, горы! Часть пути приходилось итти пѣшкомъ, такъ какъ не вездѣ можно было благополучно проѣхать верхомъ. На перевязочномъ пунктѣ во время нашего прiѣзда работы еще почти не было, такъ какъ битва только недавно началась. Черезъ какой нибудь часъ мы снялись съ этого

пункта и переселились нѣсколько дальше. Произошло это вслѣдствіе того, что турки пустили зарядъ прямо въ флагъ съ краснымъ крестомъ, который былъ поднятъ высоко и долженъ былъ служить путеводнымъ маякомъ для раненыхъ. Какъ только снарядъ разорвался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, никого, къ счастью, не ранивъ, начальникъ нашего перевязочнаго пункта, покойный д-ръ Щербакъ, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ перенесеніи перевязочнаго пункта на разстояніе внѣ пушечнаго выстрѣла. Мои товарки были уже обстрѣляны, я же была въ такой перестрѣлкѣ впервые и, помню, не заставила себя особенно просить, а очутилась въ каретѣ краснаго креста первой. Карета эта не что иное, какъ выкрашенный ящикъ, поставленный на дроги, съ изображеніемъ краснаго креста. Впослѣдствіи и я не испытывала никакого страха, что доказываетъ, какую роль въ дѣлѣ храбрости играетъ привычка.

Мы имѣли pied à terre въ Алексинацѣ и каждый день ѣздили туда. Такъ какъ перевязочный пунктъ былъ раскинутъ обыкновенно въ лѣсу, то въ томъ, то въ иномъ пунктѣ, поэтому мы возвращались часамъ къ 8 вечера въ Алексинацъ и ночевали тамъ. Къ 8 часамъ мы торопились пріѣхать потому, что если опаздывали 15 мин., то уже въ гостиницахъ обыкновенно ничего горячаго не находили, такъ какъ все къ этому времени было уничтожаемо легіонами офицеровъ. Послѣ 8 ч. мы могли только получить овечій сыръ (кашковалъ) и черный кофе съ гущей и мухами. Мы часто иронизировали и обращались къ прислугѣ такъ: «Молимъ васъ, да дадите мнѣ церна кава съ муфами». Въ отвѣтъ на это получали чашку кофе отъ ухмылявшагося слуги. Подъ ночлежное помѣщеніе намъ было отведено зданіе, въ которомъ только передъ нами помѣщались солдаты. Кроватей не было, а вся мебель исчерпывалась длинными скамьями, ширина досокъ которыхъ была отъ 8 до 10 вершковъ; эти скамьи и служили намъ вмѣсто кроватей. Окна были разбиты, и спать было ужасно холодно, такъ какъ ночи были холодныя. Одѣялъ у насъ съ собой не было, простынь тоже, и мы завертывались въ широкіе непромокаи, которые намъ служили и простыней и одѣяломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общимъ согрѣвающимъ компрессомъ. Но Боже сохрани, если вы задвигаетесь и при этомъ немного развернетесь, ваше влажное тѣло охлаждается, и вы начинаете мучиться отъ холода, пока опять не согрѣетесь. Но это все ничто сравнительно съ тѣми мученіями, которыя намъ причиняли вскормленныя, оставленныя намъ въ наслѣдство солдатами, различныя домашнія насѣкомыя. Блохи достигали такихъ размѣровъ, какихъ впослѣдствіи никогда не приходилось видѣть. Если бы была выставка этихъ насѣкомыхъ, наши алексинацкіе мучители, конечно, получили бы пальму первенства. Когда впослѣдствіи въ наше распоряженіе былъ доставленъ походный баракъ, разставленный въ

лѣсу, въ которомъ мы, однако же, спали не раздѣваясь, такъ какъ въ этой же палаткѣ приходилось спать и врачамъ, мы чувствовали себя такъ, какъ будто поселились во дворцѣ. Вообще въ Сербіи перевязочный пунктъ былъ поставленъ въ очень неблагопріятныя условія. Всегда по правиламъ, когда войска рѣшаютъ отступить, даютъ знать перевязочному пункту, затѣмъ отступаетъ обозъ и тогда только войска. Тамъ было совсѣмъ не такъ. Войска бѣгутъ назадъ (или по-сербски—натракъ), обозы тянутся, а перевязочный пунктъ остается на мѣстѣ. И когда раза два начальникъ перевязочнаго пункта сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи въ виду неминуемо угрожавшей опасности, начальникъ корпуса отдалъ приказъ, въ которомъ онъ угрожалъ разстрѣлять начальника перевязочнаго пункта, если перевязочный пунктъ снимется съ мѣста безъ приказанія съ его стороны. Слѣдствіемъ такого односторонне-справедливаго распоряженія были слѣдующіе эпизоды. Въ то время перевязочный пунктъ нашъ былъ расположенъ въ мѣстности, называемой Кауникъ; мы занимали брошенную сербами гостиницу. По всему видно было, что турецкая артиллерія производитъ полный разгромъ сербской арміи. Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ точно громомъ наполняли всю атмосферу. Раненые доставлялись на пунктъ въ ужасномъ видѣ—съ оторванными конечностями, вырванными и вывороченными внутренними органами. Помню одного здороваго серба, у котораго была оторвана нога, рука и буквально разворочена печень. Онъ былъ очень возбужденъ, и въ то время, когда ему оказывали медицинское пособіе безъ наркоза, онъ курилъ и говорилъ, говорилъ безъ умолку, не чувствуя ни малѣйшей боли. Войска бѣгутъ въ паническомъ страхѣ мимо насъ. Обозы тянутся, мы же остаемся на своемъ посту и продолжаемъ работать. Какъ вдругъ въ самый центръ перевязочнаго пункта прилетаетъ на конѣ главный врачъ арміи, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія въ Сербіи, и кричитъ: «скорѣй, скорѣй отсюда! Здѣсь кругомъ кишатъ черкесы». Легко это было сказать, но, охъ! какъ трудно сдѣлать. Мы ни при какихъ обстоятельствахъ не двигались съ мѣста, пока не отправимъ послѣдняго раненаго. И тутъ мы должны были перевязать и уложить всѣхъ раненыхъ, отправить ихъ и только тогда пуститься въ путь, который былъ до такой степени загроможденъ обозомъ, что мы могли только тянуться за нимъ. Не проѣхали мы и часа, какъ, поднявшись нѣсколько въ гору, мы узрѣли зданіе, которое служило намъ пристанищемъ, и которое только-что покинули, все объятое пламенемъ. Нужно было время, чтобы весь домъ запылалъ; очевидно, что нѣсколько минутъ насъ раздѣляли отъ нашествія башибузуковъ на пунктъ. Раненыхъ было такъ много и всѣ такъ тяжело, что когда мы уложили и отправили всѣхъ раненыхъ, то оказалось, что для насъ не осталось ни одной повозки, и мы пристраивались, какъ попало и какъ случится. Я, напримѣръ,

очутилась въ одной повозкѣ съ какимъ-то венгерскимъ врачомъ, котораго видѣла впервые; куда мы ѣхали,—никакого понятія не имѣли. Было уже совсѣмъ темно, когда мы прибыли въ какое-то селеніе, никто не зналъ куда, въ сербское ли, въ турецкое ли. Во всякомъ случаѣ, мы рѣшили сдѣлать остановку. Оказалось, что селеніе сербское, и что сюда прибыла раньше насъ масса раненыхъ пѣшеходовъ и продолжаетъ прибывать. Тогда мы съ венгерскимъ врачомъ разбили перевязочный пунктъ и начали работать. Конечно, перевязочнаго матеріала у насъ не было. Тѣ изъ немногихъ жителей, которые не покинули еще селеніе, приносили намъ цвѣтныя, большею частію, темносинія простыни, другія принадлежности бѣлья, и мы пользовались этими матеріалами для перевязокъ. Солому употребляли для неподвижныхъ повязокъ вмѣсто гипса и лубковъ. Проработали всю ночь и только утромъ освободились. Въ этомъ селеніи была телеграфная станція, и мы, благодаря телеграфу, уже знали, что нашъ перевязочный путь находится въ Делиградѣ, куда мы и направились, такъ какъ отъ Алексинаца армія была уже отрѣзана. На другой день въ Делиградѣ мы всѣ очень радостно встрѣтились, такъ какъ порядочно безпокоились другъ о другѣ. Въ это время въ Делиградѣ было буквально столпотвореніе вавилонское. Масса офицеровъ, медицинскаго персонала и всякой другой публики находилась въ полномъ недоумѣніи, что̀ будетъ дальше.

Путь между Алексинацемъ и Делиградомъ въ значительной степени былъ во владѣніи башибузуковъ, то и дѣло привозили то раненныхъ, то зарѣзанныхъ на упомянутой дорогѣ. При такихъ обстоятельствахъ наши двѣ студентки Б—ва и К—е задумали ѣхать въ Алексинацъ за своими чемоданами, которые тамъ остались. Сколько ихъ ни уговаривали, онѣ, особенно Б—ва, оставались непреклонными и поѣхали. Нѣсколько часовъ ихъ отсутствія мы провели въ большомъ трепетѣ и страхѣ. Но наконецъ къ вечеру онѣ благополучно вернулись. Вѣроятно, до ихъ поѣздки успѣли уже нѣсколько оградить путь и очистить его отъ башибузуковъ. Въ видѣ военнаго трофея онѣ привезли свои чемоданы.

Изъ Делиграда нашъ перевязочный пунктъ былъ отправленъ въ Дьюнисъ, и здѣсь скоро разыгралось рѣшительное и послѣднее сраженіе, разгромившее сербовъ. Если бы не своевременное вмѣшательство Россіи, то турки были бы черезъ нѣсколько дней въ Бѣлградѣ.

Съ чувствомъ удовлетворенія вспоминаю, что въ Сербіи былъ всегда избытокъ въ перевязочномъ матеріалѣ, въ бѣльѣ для раненыхъ и въ концѣ концовъ и медицинскомъ персоналѣ. Въ разныхъ пунктахъ были разсѣяны склады съ бѣльемъ и перевязочнымъ матеріаломъ, присланнымъ изъ другихъ государствъ Европы. Склады находились отъ перевязочнаго пункта на разстояніи 15—20 верстъ. Въ свободные отъ сраженія дни, а такихъ дней был

немало, мы ѣздили въ склады и тамъ забирали все, что требовалось. Каждый изъ нашихъ раненыхъ получалъ не только медицинскую помощь, но еще былъ обмытъ отъ крови и пыли и одѣтъ вмѣсто грязной пропитанной кровью рубашки, торчавшей какъ картонъ, въ чистое свѣжее бѣлье и тогда только отпускаемъ въ дальнѣйшее слѣдованіе къ госпиталю.

Не то, къ сожалѣнію, было въ Болгаріи въ русско-турецкую войну, гдѣ мнѣ пришлось быть въ слѣдующее 1877 года лѣто. Тамъ зачастую чувствовался огромный недостатокъ не только въ медицинскомъ персоналѣ, но и въ пищѣ для раненыхъ.

На этотъ разъ я не имѣю въ виду касаться воспоминаній о русско-турецкой войнѣ, но не могу умолчать объ одной очень печальной страницѣ этой эпохи.

Госпиталь нашъ находился возлѣ деревни Девешко-Село и былъ ближайшимъ къ перевязочному пункту подъ Плевной. Разсчитанъ онъ былъ только на 600 коекъ съ соотвѣтствующимъ этому числу низшимъ и высшимъ медицинскимъ персоналомъ и инвентаремъ.

Не трудно представить себѣ, въ какомъ положеніи очутился госпиталь, послѣ страшнаго разгрома подъ Плевной, когда въ него прибыло около 9.000 раненыхъ. Легко раненые послѣ перевязки направлялись дальше въ Систово, но тяжело раненые (раны въ полости черепную, брюшную и грудную) неизбѣжно должны были оставаться здѣсь. И вотъ между палатками, вмѣстившими въ себѣ только 600 человѣкъ, вдоль и поперекъ на голой землѣ сложены были раненые въ такомъ количествѣ и тѣснотѣ, что ходить нужно было очень осторожно, чтобы не наступить на нихъ.

Въ эту войну повторилось то же, что наблюдалъ Н. И. Пироговъ во время Крымской кампаніи: легко раненые проталкивались на перевязку первые, тяжелые же, лишенные возможности къ передвиженію, оставались долгое время (день, два) безъ помощи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были свалены. Профессоръ Склифосовскій, очень энергичный и неутомимый работникъ, взявшій на себя сначала самую важную, по его мнѣнію, работу діагносцировать и классифицировать раненыхъ, когда убѣдился, что мы примѣнились къ этой работѣ, часто возлагалъ ее на насъ, самъ же отправлялся въ ряды раненыхъ, выбиралъ болѣе тяжелыхъ и нуждавшихся въ неотложной помощи, подъ своимъ руководствомъ укладывалъ ихъ на носилки и доставлялъ въ перевязочную или операціонную палатку. Изъ ограниченнаго медицинскаго персонала, разсчитаннаго на 600 человѣкъ, нѣсколько врачей постоянно отсутствовало по болѣзни, такъ какъ въ то время свирѣпствовали сильнѣйшая диссентерія и лихорадки, не щадившія и врачей. И. В. Склифосовскій могъ работать буквально по 24 часа въ сутки и поощрялъ къ работѣ и другихъ. Живо вспоминается, какъ, проработавши день-деньской, мы уже поздно вечеромъ съ фонарями

въ рукахъ обходили вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевичемъ лагерь, взбирались на телѣги, гдѣ лежали раненые, и оказывали имъ посильную и неотложную помощь. Итакъ, ни персонала, ни телѣгъ для транспортировки раненыхъ не хватало, но что всего страшнѣе—нечѣмъ было ихъ кормить. Доставленные въ госпиталь раненые оказались неѣвшими по 2—3 дня (1-й день—битвы, 2-й день—на перевязочномъ пунктѣ и 3-й—въ дорогѣ), здѣсь ихъ также было нечѣмъ кормить за недостаткомъ провизіи и посуды. Только къ вечеру стали разносить какую-то коричневую жидкость съ 3—4 зернами гречневой крупы, но очередь и такого продовольствія доходила до многихъ черезъ день и позднѣе; не удивительно поэтому, что многіе умирали не отъ ранъ, а отъ истощенія и голода.

Палатка-столовая для врачей была разбита тутъ же въ госпиталѣ, и вотъ, какъ только возьмешь кусочекъ мяса въ ротъ и при этомъ невольно подумаешь о массѣ голодныхъ кругомъ, глотательныя мышцы приходятъ въ такое судорожное состояніе, что проглотить пищу рѣшительно не въ состояніи. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ встанешь и уйдешь изъ столовой.

Вѣроятно, мѣстами и госпитали пустовали и медицинскій персоналъ былъ въ избыткѣ, только все это было не тамъ, гдѣ въ данное время было нужно.

Н. Драгневичъ.

